

C. 2.

Фельетонъ „Удес. Нов.“

5-го сентября 1892 года.

Литературное обозрѣніе.

«Подвѣя»: «Сосѣди» Ант. Чехова — «Нива» — М. Крестовской. — Стихотворенія П. Полничко и П. Лебедева. — Юбилей К. Воронина и юбилей П. К. Михайловскаго.

И на этотъ разъ о «Подвѣя». Душевное чувство, которое вселяли въ меня рассказы «Недолгое счастье» и «Ситна» успѣло совершенно и исчезнуть подъ впечатлѣніемъ двухъ такихъ прекрасныхъ вещей, какъ «Сосѣди» Ант. Чехова и «Нива» М. Крестовской.

«Сосѣди» Ант. Чехова произвели впечатлѣніе и въ обществѣ, и въ печати. Одна непомѣрно хвалили этотъ рассказъ, другие столь же непомѣрно бранили.

Талантъ или г. Чеховъ — объ этомъ намъ не приходится говорить. Намъ кажется только, что можно упрекать нашего актора въ чемъ угодно: въ отсутствіи единства, въ отсутствіи вѣрности оцѣнки окружающаго явленія, въ небрежности отдачи, поговорить, что авторъ бездаренъ, когда талантъ свободенъ и силѣнъ талантъ его такъ и выскочитъ въ такую стрѣлку, — это, по моему мнѣнію, несправедливо.

Даже знаменитѣйшій тенденціонный современикъ артакъ А. М. Скабичевскій и тотъ въ своей «Песни литературы» находить, что «произведенія Чехова обнаруживаютъ очень сильный талантъ, блестящую художественность и юморъ» (418 стр.).

Содержаніе разсказа «Сосѣди» слѣдуетъ описать у Камшицевыхъ семейныхъ скандалахъ, барышня Камшицова сбѣжала изъ своего родительскаго дома въ Власову, слѣпому человѣку, котораго полюбила. Братъ сбѣжавшей, Петръ Михайловичъ, сильно не въ духѣ, мать не вы-

ходить изъ комнаты своей, тетка каждый день собарается ухватъ и чемоданы ея то вносить въ переднюю, то уносить назадъ въ комнату.

«Въ домѣ, во дворѣ и въ саду была слышна тишина, похожая на то, какъ будто въ домѣ были покойники. Тетка, прислугой и даже мужикъ, казалась Петру Михайловичу, загадочно и съ недоумѣніемъ смотрѣли на него, какъ будто хотѣли сказать: «твоя сестра обольстена, что-же ты бездѣйствуешь?». И онъ упрекать себя въ бездѣйствіи, хотя и не зналъ, въ чемъ собственно должно было заключаться дѣйствіе».

Въ этой послѣдней фразѣ заключаются весь характеръ Петра Михайловича: онъ вѣчно долженъ упрекать себя въ бездѣйствіи, хотя и не знаетъ, какъ нужно дѣйствовать. Посмотрите, вотъ его портретъ:

«Ему шло только двадцать восемь лѣтъ, но уже онъ былъ толстъ, одѣвался по стариковски во все широкое и просторное и страдалъ одышкой. Въ немъ были уже признаки помѣлки — стараго холостяка. Онъ не замѣлялъ, о женитбѣ не думалъ и любить только мать, сестру, няню, слободника Васильча; любилъ хорошо поѣсть, поспать и съ обѣда поговорить о политике и о возвышеннѣйшихъ матеріяхъ».

На то время, когда онъ учился въ университетѣ, Камшицевъ смотрѣлъ, какъ на необходимость въ молодомъ возрастѣ вознижность; ждали, бродившія въ его головѣ, не имѣли никакого отношенія къ той университетской наукѣ, которую онъ отбывалъ, какъ нѣчто необходимое. Вотъ вамъ его портретъ, вотъ онъ весь передъ вами, этотъ двадцати-восемилѣтній тюркь, на на что не годный, толстый, съ лицомъ бабы, любящій хорошо поѣсть и незнающій, въ чемъ заключается дѣйствіе. Сестру его сманили, а онъ не знаетъ какъ ему отбѣгнать на востокъ, къ Власичу. О, какъ ему тяжело! Его голова совершенно не привыкла работать надъ такими головолѣпными задачами. А между тѣмъ, онъ чувствуетъ, что на немъ лежитъ нѣчто вроде долга и онъ долженъ исполнить это во что-бы то ни стало. Шансъ его

C. 2.

дѣйствія болѣе или менѣе ясно вырисовывается передъ нимъ: онъ долженъ поѣхать къ Власичу и отнять у него сестру. Что-то, похожее на рѣшимость, вырастаетъ въ его мозгу и онъ ѣдетъ къ Власичу, ѣдетъ и шепчетъ все про себя: «помоги, Господи, помоги!» Но чѣмъ ближе онъ подъѣзжаетъ къ дому Власича, тѣмъ все больше и больше его рѣшимость уходитъ отъ него. И вотъ онъ ужъ въ рошѣ, вотъ ужъ совсемъ близко, вотъ ужъ и домъ Власича. Петръ Михайловичъ струсилъ. «Ему было страшно за себя и за сестру, и было нутко, что онъ ее сейчасъ увидитъ какъ она будетъ держать себя съ братомъ? О чемъ они оба будутъ говорить? И не вернуться-ли назадъ, пока не поздно?» Но вернуться было уже поздно, потому, что онъ увидѣлъ Власича и Власичъ его.

Вотъ характеристика Власича, столь возмущившая некоторыхъ критиковъ, вообразившихъ себя, что у автора было послѣдательство изобразить въ этомъ типѣ все, что было свѣтлаго и наилучшаго въ теоріяхъ шестидесятыхъ годовъ. Власичу—41 годъ, онъ—тонкій, сухощавый, узкогрудый, съ длинными волосъ, съ просьбою въ борю. Петръ изумлялся въ недумываніи съ какой силой гляди на его фигуру: «Вотъ такая члоники могъ такъ изобразить Зана? Ни из рошья, ни красненька, ни в какихъ манеръ... Одывается безжучно, обетаповка у него упилаа, поэма и живописи не понимаю, музыка его не трогаеъ. Хозяинъ онъ плохой. Въ глазахъ Петра Михайловича сонъ либераль и считается въ уѣдъ красныхъ, но и это выходитъ у него скучно! Въ его возмудумствѣ нѣтъ оригинальности и наоса».

«Скучно всего, что онъ страшно отсталъ въ своихъ идеяхъ. Вспоминается что-то старое, давно читанное, когда онъ моденно, съ глубокомысленнымъ видомъ, начинаеъ толковать про честины, свѣтлыя

минуты, про лучшіе годы или когда восторгается молодежью, которая всегда шла и идетъ впередъ общества, или порицаегъ русскихъ людей за то, что они въ тридцать лѣтъ надѣваюгъ халаты и забываютъ заветы своей almae matris. Когда остаешь-ся у него почитать, то онъ влдетъ на вичной столѣкъ Писарева или Даринина. Если скажешь, что я это уже читалъ, то онъ выйдетъ и принесетъ Добролюбова».

Свиданіе съ Власичемъ и сестрой Заной не приноситъ никакихъ положительныхъ результатовъ для семьи Кашицевыхъ. Это, вонечно, отчасти зависть и отъ того, что ужъ очень плохой у семьи адвокатъ Петръ Михайловичъ: «Господи, помоги, Господи помоги!» и весь растеряется. Да и Власичъ и Зина ужъ видно любятъ сильно другъ друга и если-бы къ нимъ прѣхалъ энергичный братецъ,—то и тотъ же сдѣлалъ-бы ничего и уѣхалъ-бы съ пустыми руками. И вотъ Петръ Михайловичъ ѣдетъ послѣ неудачной мисси домой. Онъ печально глядитъ на воду пруда и, вспоминая свою жизнь, убѣждается,

«что до сихъ поръ говорилъ онъ и дѣлалъ не то, что думалъ, и люди платили ему тѣмъ-же, и оттого вся жизнь представилась ему теперь такою-же темной, какъ эта вода, въ которой перешугались водоросли».

— Господи помоги... бормоталъ онъ растерянно.—Господи помоги...

Разсказъ «Шениница» М. Крестовской написанъ въ стилѣ, весьма подходящемъ къ чеховскому. Такъ же просто и естественно начинается онъ, какъ и «Сосѣди».